Юлия Остапенко

День бурундучка

Часть сборника
Жажда снящих (сборник)

Юлия Остапенко

День бурундучка

«Автор»
2005

Остапенко Ю. В.

День бурундучка / Ю. В. Остапенко — «Автор», 2005

«– Не нравятся мне эти пуговицы.– А? – переспросил я. – Что?– Пуговицы, – повторил карниолец и ткнул в означенные предметы пальцами. Сразу во все шесть. Я чуть-чуть полюбовался гибкостью его суставов и сказал, с трудом пряча тоску:– Чего не нравятся-то?..»

© Остапенко Ю. В., 2005
© Автор, 2005

День бурундучка

Бывают такие – нет, не рассказы – дни, когда жизнь хороша и жить хорошо, и хочется быть белой и пушистой, и ещё пива и веселиться. Поэтому совершенно понятно, что писать в такие дни совершенно неохота – ну-у, сидеть за компьютером и чего-то там кропать, когда весна как минимум в душе, а то и на улице? Но иногда, как говорится, надо себя заставить. Тогда садишься, моментально придумываешь и задорно настукиваешь на той самой скучной клавиатуре что-нибудь соответствующее. То есть весёлое и жизнерадостное, где даже никто не умирает. Да-да, вообразите, временами у меня получается и такое. Редко, но бывает.:)

И честно вам скажу: если вы получите от чтения рассказа «День бурундучка» хотя бы половину того удовольствия, которое получила я, когда писала его – я буду совершенно довольна.

P.S. А для тех, кто уже догадался, добавлю: да, вы совершенно правы, «День сурка» тут очень даже при чём.:)

1

– Не нравятся мне эти пуговицы.

– А? – переспросил я. – Что?

– Пуговицы, – повторил карниолец и ткнул в означенные предметы пальцами. Сразу во все шесть. Я чуть-чуть полюбовался гибкостью его суставов и сказал, с трудом пряча тоску:

– Чего не нравятся-то?

– Не знаю. Но мне от них как-то не по себе.

– Понятно. А какие надо, перламутровые? – не удержался я.

Карниолец, конечно, шутки не понял, и я сгреб комбинезон с прилавка.

– Зря вы все-таки. Настоящий шахтерский комбинезон. Конец двадцатого века, без дураков. И сертификат вот есть.

– Эти пуговицы излучают отрицательные поля, – заявил карниолец и яростно зашевелил надбровными усиками. Усики у этого экземпляра были фиолетовые, и я покорно наблюдал за их пляской – закон карниольской вежливости, иначе этот кретин мог обидеться. А впрочем, мне-то все равно уже, обидится он там, не обидится, – и так же видно, не купит ничего. Вечно под конец дня припирается такой, все щупает и несет какой-то бред, в который мне все равно не въехать.

– Ну тогда возьмите бурундучка, – вдохновенно попросил я.

Карниолец обратил на меня взгляд четырех глаз. Пятый продолжал подозрительно коситься по сторонам.

– Чточточтот? – прощелкал он. Озадачен, стало быть. Я приободрился и потащил из-под прилавка клетку. Витька застрекотал, приподнялся на задние лапки.

– Редчайшая животинка! – понесся я с места в карьер. – Вымирающий вид! Их не осталось даже на Земле! Занесены в Общегалактическую Красную Книгу! Не требует разрешения на стрижку и разведение! Неаллергенен!

– Прививки есть? – деловито осведомился карниолец, и тут я прикусил язык: прививок у Витьки не имелось. Больше того: сделать их в нашем орбитальном захолустье не было никакой возможности. Потому-то я и не мог сплавить треклятого бурундука с рук уже полгода, с

того самого дня, как его приволокли из бюро находок. Я бы обратно отправил, но тогда, как назло, рядом подвернулась Машка и сразу нюни распустила: жалко, дескать. Ну да, верни мы его, находку сдали бы в утиль, а для живого бурундука это означает даже не безболезненное усыпление, а жестокую кремацию в соседстве с пустой тарой и механизмами неидентифицированного назначения. Короче, Витька остался у меня, но в квартиру его тащить я отказался наотрез. Черт знает, авось повезет, и купит кто. Но, конечно, не везло. Чтоб мне – и повезло. Ага, сию минуту.

По моему обреченному молчанию карниолец понял, что прививок нет, и, гневно задвигав усиками, ретировался за дверь.

– Стойте! – заорал я. – Ну на кой вам эти прививки? Бурундук здоров как бык! Чтоб мне-то и не знать?! Я всю жизнь продаю бурундуков!

Карниолец не отреагировал. Стекляшки с готовностью разъехались в сторону, пропуская все его восемь метров в длину. Удалялся карниолец чинно. Если бы у него был зад, мне бы захотелось туда наподдать, но зада у него не имелось. Обидно вдвойне.

Я посмотрел на шахтерский комбинезон, который в расстройстве заткнул под прилавок. Пуговицы ему не подошли, понимаете ли. Отрицательные поля они излучают, блин. Наверное, я ощутил бы досаду, тоску, приступ самоуничижения и прочие признаки депрессии, если бы та же хрень не повторялась в моей досадной, тоскливой и склоняющей к самоуничижению жизни изо дня в день. Изо дня в день вот уже… но я просто сдохну, если прикину, сколько лет, так что давайте не будем об этом.

А сегодня зато было целых две хорошие новости: во-первых, я продал набор декоративных пестиков, всучив их одной дуре с Циатлона под видом древних эротических сувениров. Я уж и не чаял спихнуть эти пестики, а она вон как уцепилась! Я даже цену умудрился взвинтить на целых полбакса. И эти полбакса с чистой совестью мог сегодня пропить в баре, что за углом от моего магазинчика, и это вторая хорошая новость. Целых две хорошие новости за долбаный длиннющий день! Это надо обмыть.

На часах было без десяти восемь, но я закрылся с чистой совестью. Все рейсы сегодня шли как те самые часы, пассажиры отбывали в срок, транзитных было раз-два и обчелся, да и они предпочитали коротать время до отлета в баре космопорта, а не шляясь по дурацким сувенирным лавочкам. Порой, конечно, попадались маньяки, обожающие рыться в инопланетном старье и скупать его на вес, но я про них только слышал. Естественно, до меня они никогда не добредали, и мне оставались уроды-карниольцы, которым почему-то не нравятся наши пуговицы.

Так, ладно, хватит, а то опять впаду в хандру. А я сегодня собрался радоваться. Целых две хорошие новости! За целый долбаный день, такой же, как все остальные.

– Привет, Олег. Рановато сегодня. Удачный денек?

– Да конечно, – сказал я и плюхнулся на табурет у стойки. – Прямо сдуреть, какой удачный. Дай-ка мне «отвертку» за четвертак. Пока одинарную.

– Неужто продал бурундука? – ухмыльнулся бармен, смешивая мне коктейль.

– Еще чего! – обиделся я. – Витьку я меньше чем за десятку никому не продам. Что я, зря с ним полгода мудохаюсь?

– А я бы на твоем месте отдал даром, именно поэтому, – хмыкнул Андрей. – Телефон?

– Ох, да! – спохватился я. – Спасибо, что напомнил. Машка бы меня прибила.

– Что-то ты сегодня сам не свой, – подмигнул Андрей.

– Душа алчет праздника, – мрачно заявил я, набивая на мобильном домашний номер. Сейчас Машка снимет трубку, и я скажу… – Ага, это я. Да, солнце. Полчасика. Нет, ничего особенного. Пропущу на четвертак, и к тебе. Угу. Как обычно. Задрала, – добавил я, услышав гудки, и, захлопнув трубку, вернул ее Андрею. Тот коротко улыбнулся, но ничего не сказал. Конечно, сам-то подбивает клинья к каждой транзитной земляночке в порту… и небез-

успешно, судя по тому, какая у него вечно довольная рожа. Ну да ему хорошо, он со сменщиком работает. А я один, и босс меня прибьет, если отлучусь посреди дня, когда самый наплыв клиентов – и земляночек. Я завистливо вздохнул.

– Неудачный день?

Даже не оборачиваясь, я понял, что это не человек. И даже не по вибрирующему тембру голоса и не по запаху – эти гады после дезинфекции, бывает, вообще ничем не пахнут. Все проще: только долбаные интуристы, подсаживаясь к незнакомцу в баре, начинают разговор этой фразой, которую они подслушали в наших фильмах.

Но Андрей отошел к другим посетителям, и я решил: почему бы и нет? К тому же к темильцам я всегда относился неплохо, у них денег до хрена, прямо как у наших японцев, и берут они все подряд. Не всучить ли ему тот треклятый комбинезон, подумал я мимоходом (профпривычка, мать ее так!), а сам уже оборачивался с нашей традиционной улыбкой. Ну, то есть не нашей. Американской. А впрочем, один черт.

– Ну, как сказать, – проговорил я. – Может ли быть неудачным день, в котором целых две хорошие новости?

– Две новости? – переспросил темилец и, кажется, огорчился. – Так много?

Я б решил, что он издевается, если бы не работал в межпланетном космопорте уже… нет, давайте я не буду говорить, сколько лет, а то напьюсь. В общем, болтая с ненашим, никогда не знаешь, чего там у него на уме, так что лучше ничему не верить и ни на что не вестись. На всякий пожарный.

– Ну, для кого и много, – согласился я. – Для меня да, много, пожалуй. Но только если эти новости – первая: я продал наконец эти драные пестики. А вторая: я заработал себе на выпивку. Это – новости. И вот это уже поганая новость, верно?

Темилец задумчиво подергал мохнатыми ноздрями. Он был даже по-своему симпатичный и чем-то мне нравился.

– Поганая? – переспросил он, и я понял, что общий у него неважный.

– Плохая, – пояснил я. – То есть никакая. Никакущая. Совсем. Тоска.

– Тоска, – кивнул темилец. Это слово он знал. – У меня рейс перенесли. По – техническим – причинам – на – двое – орбитальных – суток, – подняв когтистый палец, продекламировал он, передразнивая диктора. Вышло смешно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.